

ПРОДОЛЖАЯ
ТЕМУ

ПОПУГАЙ,

Культура. — 1993. — 11 сент. — с. 8.

Центральное телевидение, простите невольную резкость выражения, зашилось. Как бы оно ни переназывалось, на какие бы каналы ни делилось и какие бы формы собственности там ни вводились, Центральное телевидение остается тем, старым, Центральным. Те же дикторы информационных программ, те же корреспонденты, живущие за границей и присылающие одни и те же репортажи о пожарах, наводнениях, взрывах, скандалах, перестрелках, войнах, то же вранье, то же потуги вершить судьбу политических деятелей и, наконец, та же позиция НАДО ВСЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, которая имеет бесспорно ложное преимущество, будто само телевидение ни в чем не участвует, а лишь является наместником ЦК КПСС на земле.

Сами сотрудники ТВ его не любят, объясняясь в своей нелюбви к руководству публично. Создается впечатление, что искусство телевидения, которому они служат, и то телевидение, на котором они работают, для них не одно и то же. Актеру, который бы любил театр, но не любил своего театра, пришлось бы перейти на другую сцену, журналист ушел бы в другую газету, инженер — на другое предприятие, бухгалтер — в другую бухгалтерию, ну а сотруднику ТВ уйти можно только на улицу: у нас одна Останкинская башня. Куда только смотрит Анти-монопольный комитет?

Работники телевидения переходят с канала на канал, с программы в программу, из редакции в редакцию, но для нас, публики, телевидение от этого не меняется и не становится более ин-

тересным. Скорее наоборот — усиливается ощущение безысходности, потому что куда крутить ручку телевизора: на каждом повороте одни и те же лица, знакомые до боли. Сегодня «Вести» с канала «Россия» вообще ничем не отличаются от «Новостей» 1-го канала «Останкина»: один и тот же текст, одно и то же отношение к событиям, одни и те же «сюжеты». Особенно сильно путает карты реклама — на всех каналах одни и те же ролики: все тот же шоколад «Марс», лучшее средство при месячных «Тампакс», наилучший стиральный порошок — продукция компании «Проктер энд Гэмбл», то же «МММ» без проблем, «мы сделаем ваш вузучер золотым», «мы возьмем на себя ваши проблемы», чековый инвестиционный фонд Русского продовольственного банка...

Критиковать телевидение очень легко. Однако на самом ЦТ, как выяснилось, не понимают, что газетная критика — самое приятное и безболезненное лекарство. Каждой критической статье следовало бы радоваться! Более серьезное средство воздействия — операция без наркоза — придумывают не в газетах. На консилиум по поводу болезни ЦТ собираются в Верховном Совете России, в правительстве, на съезде народных депутатов, созывают специальные совещания президентов бывших республик СССР. Там не критикуют — там стерилизуют простыни и точат скальпель. Сотрудники телевидения должны бы благодарить судьбу за то, что еще остались газеты, которые публикуют критические статьи, обращают внимание коллег с ЦТ на «отдельные

недостатки», спасая тем самым телевидение от препари-рования.

Но и в этом Центральное телевидение остается Центральным: оно критики не выносит! Оно заранее, до прихода анестезиолога, готово говорить то, что ему велят произносить сверху, показывать те «сюжеты», какие ему позволят. ЦТ продолжает видеть себя «подручным партией», ее рупором и оком. Думаю, что вряд ли в России осталось какое бы то ни было другое учреждение, которое бы уже сейчас не было так хорошо подготовлено к возврату старых порядков, как телецентр «Останкино». Телестудия похожа на собственных дикторов, которым, оказывается, совершенно безразлично, что читать: речь Брежнева или пламенное выступление новейшего демократа, постановление ЦК КПСС о лишении академика Сахарова всех правительственных наград или указ о присвоении улицам и площадям имени академика Сахарова. Центральное телевидение не имеет собственного лица, и этим сильно отличается от других телекомпаний мира, каждая из которых не только имеет свое особое мнение о событиях, но и снимает их с разных точек.

Нужно сказать, что в наше время активизации судов редакция рискует телевидение критиковать. Кроме того, считается, что на телевидении работают такие же журналисты, как и в редакции газет, — этично ли критиковать коллег? Но на телевидении журналистов мало, и коллег в общепринятом значении этого понятия там просто нет. Из газетной журналистики ТВ переняло только одну специальность —

обозревателя. На экране не видно специалистов по телевидению, театру, торговле, городскому хозяйству, литературе, транспорту, экономике.

Между тем ни одна серьезная газета без таких специалистов выходить бы не могла. Телевидение лишь касается всех этих волнующих тем, но в виде обозрений. Чаще всего неудачных. Любая такая передача строится однотипно: в студию приходят писатель, актер, экономист, политик, летчик, торговец, путеец, а сотрудник телевидения задает им детские вопросы. Чаще всего именно детские. На ЦТ нет журналистов в газетном понимании этого слова, вопросы приглашенным (их еще называют, как в порядочном публичном доме, «гостями») задают редактор, обозреватель, ведущий, иногда диктор, но отнюдь не журналист с его напористостью, стремлением обличить, докопаться до основ и истин. Поэтому общественно значимые темы в телевизионном исполнении не приносят зрителям удовлетворения, проходят такие беседы вяло, они подчеркнуты дружелюбными.

Конечно, случаются исключения — Борис Ноткин, например, перед своими «гостями» не заискивает, но его программа выходит в эфир всего раз в неделю. Представителей студии, которые задают вопросы, даже называют «кивалами», потому что они действительно почему-то всегда кивают, когда «гость» отвечает на вопрос. И вообще вся эта система ответов на вопросы — лишь один газетный жанр: интервью. Между самими журналистами интервью называется заготовкой к статье: этот жанр способен утолить любопытство

читателя, но не ставит проблем и не предлагает их решения. Так вот, все Центральное телевидение работает в жанре «заготовки будущей передачи».

Долгий спор о том, искусство ли телевидение или холодный источник информации, приобрел затяжной характер ввиду демагогичности самого вопроса. В самом деле, там, где телевидение интересно, такими вопросами не задаются. Наше телевидение страшно скучное, поэтому его резко колыхает то в сторону искусства (развлекательных передач), то в информационность (крайне редко объективную). И если вы спросите себя, что же вам запомнилось из всего ТВ, то признаетесь: или развлекательная передача, или взрывы, войны, наводнения, скандалы из программ информационных. Но чаще всего, конечно, художественный фильм, который не является продукцией собственно ТВ...

Однако эта статья вызвана как раз печальным опытом критики телевидения. И общая картина происходящего на ТВ, как это представляется одному из зрителей, понадобится для того, чтобы сами работники телевидения не думали, что никто ничего не видит, оставили свое высокомерие для худших времен и сделали попытку выйти из тупика, а не ждали, когда их оттуда выведут «удачно подобранные руководители». А произошло вот что.

31 июля 1993 года «Культура» опубликовала статью «А вы знакомы с Листьевым?», где выяснялось, что за публикой сидит на передачах «Поле чудес», «Что? Где? Когда?», «Тема», «Любовь с первого взгляда»... Сами работники те-

левидения навели на мысль, что попасть в студию можно только по знакомству с организаторами передачи. Едва «Культура» вышла в свет, как главному редактору позвонил Владислав Листьев. Он выразил недоумение, почему корреспондент не позвонил ему, автору и ведущему «Темы»? Позвонил бы — и попал бы в студию без проблем. Владислав Листьев оставил свой телефон.

Конечно, предложение было любезным, хотя и несколько запоздалым, и оно лишний раз подтвердило, что на передачу «Тема» можно попасть, только предварительно созвонившись с автором и ведущим. Простые смертные телефона Листьева не знают. Но насторожил и сам повод для звонка. Полстатьи «А вы знакомы с Листьевым?» было посвящено рассказу о том, как корреспондент пытался Листьева отыскать и как ему это не удалось. В вопросе звонившего было столько же логики, сколько в вопросе человека, который, закрыв «Анну Каренину», спросил бы: «Ну чем там у Анны с Вронским кончилось? Им удалось пожениться? Сколько у них было детей?»

Мы решили, что по законам вежливости на звонок нужно ответить звонком. Не хотелось, чтобы ведущий «Темы» на «Культуру» дулся. Статья хоть и была «критической», но вполне товарищеской. Нам казалось и кажется до сих пор, что будет гораздо лучше, если телевидение не станет скрывать от зрителей путь попадания на передачу. Возможно, многих людей влечет на съемки праздный интерес, простое желание посмотреть на себя

и не ставит проблем и не предлагает их решения. Так вот, все Центральное телевидение работает в жанре «заготовки будущей передачи».

Долгий спор о том, искусство ли телевидение или холодный источник информации, приобрел затяжной характер ввиду демагогичности самого вопроса. В самом деле, там, где телевидение интересно, такими вопросами не задаются. Наше телевидение страшно скучное, поэтому его резко колыхает то в сторону искусства (развлекательных передач), то в информационность (крайне редко объективную). И если вы спросите себя, что же вам запомнилось из всего ТВ, то признаетесь: или развлекательная передача, или взрывы, войны, наводнения, скандалы из программ информационных. Но чаще всего, конечно, художественный фильм, который не является продукцией собственно ТВ...

Однако эта статья вызвана как раз печальным опытом критики телевидения. И общая картина происходящего на ТВ, как это представляется одному из зрителей, понадобится для того, чтобы сами работники теле-

левидения навели на мысль, что попасть в студию можно только по знакомству с организаторами передачи. Едва «Культура» вышла в свет, как главному редактору позвонил Владислав Листьев. Он выразил недоумение, почему корреспондент не позвонил ему, автору и ведущему «Темы»? Позвонил бы — и попал бы в студию без проблем. Владислав Листьев оставил свой телефон.

Конечно, предложение было любезным, хотя и несколько запоздалым, и оно лишний раз подтвердило, что на передачу «Тема» можно попасть, только предварительно созвонившись с автором и ведущим. Простые смертные телефона Листьева не знают. Но насторожил и сам повод для звонка. Полстатьи «А вы знакомы с Листьевым?» было посвящено рассказу о том, как корреспондент пытался Листьева отыскать и как ему это не удалось. В вопросе звонившего было столько же логики, сколько в вопросе человека, который, закрыв «Анну Каренину», спросил бы: «Ну чем там у Анны с Вронским кончилось? Им удалось пожениться? Сколько у них было детей?»

Мы решили, что по законам вежливости на звонок нужно ответить звонком. Не хотелось, чтобы ведущий «Темы» на «Культуру» дулся. Статья хоть и была «критической», но вполне товарищеской. Нам казалось и кажется до сих пор, что будет гораздо лучше, если телевидение не станет скрывать от зрителей путь попадания на передачу. Возможно, многих людей влечет на съемки праздный интерес, простое желание посмотреть на себя

и не ставит проблем и не предлагает их решения. Так вот, все Центральное телевидение работает в жанре «заготовки будущей передачи».

Долгий спор о том, искусство ли телевидение или холодный источник информации, приобрел затяжной характер ввиду демагогичности самого вопроса. В самом деле, там, где телевидение интересно, такими вопросами не задаются. Наше телевидение страшно скучное, поэтому его резко колыхает то в сторону искусства (развлекательных передач), то в информационность (крайне редко объективную). И если вы спросите себя, что же вам запомнилось из всего ТВ, то признаетесь: или развлекательная передача, или взрывы, войны, наводнения, скандалы из программ информационных. Но чаще всего, конечно, художественный фильм, который не является продукцией собственно ТВ...

Однако эта статья вызвана как раз печальным опытом критики телевидения. И общая картина происходящего на ТВ, как это представляется одному из зрителей, понадобится для того, чтобы сами работники теле-

левидения навели на мысль, что попасть в студию можно только по знакомству с организаторами передачи. Едва «Культура» вышла в свет, как главному редактору позвонил Владислав Листьев. Он выразил недоумение, почему корреспондент не позвонил ему, автору и ведущему «Темы»? Позвонил бы — и попал бы в студию без проблем. Владислав Листьев оставил свой телефон.

Листьев
Владислав

Культура. — 1993. — 11 сент. — с. 9.

ПРИЯТЕЛЬ ЛИСТЬЕВА

Владислав вошел в редакционный кабинет резкий, как «На-те!» В руке он мучил черный продолговатый предмет с антенной и красной лампочкой. Но это был не диктофон. И что это за достижение западной электроники, удалось выяснить не сразу. Первый вопрос, что это за штука у него в руке, Владислав оставил без внимания. В конце разговора на повторный вопрос он ответил. — Это радиотелефон на сто номеров, — сказал Владислав, почему-то не выпуская из руки предмет и постоянно следивший за тем, чтобы красная лампочка не потухла.

Как мы потом поняли, он держал телефон включенным. Мы же не запаслись никакой записывающей электроникой. Нам показалось, что вести встречу с коллегой под записывающее устройство, не совсем деликатно. Но Владиславу так не казалось, и я уверен, что весь наш разговор записан им на пленку. То ли та пленка вмонтирована в радиотелефон, то ли запись разговора шла на другом конце радиопровода — в его кабинете в «Останкине» или в машине у дверей редакции, но ничем другим включенный телефон объяснить нельзя. Однако весь наш разговор был таким простым, недолгим, что, ей-богу, не стоило ему с записью разговора так перенапрягаться.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

Владислав вошел в редакционный кабинет резкий, как «На-те!» В руке он мучил черный продолговатый предмет с антенной и красной лампочкой. Но это был не диктофон. И что это за достижение западной электроники, удалось выяснить не сразу. Первый вопрос, что это за штука у него в руке, Владислав оставил без внимания. В конце разговора на повторный вопрос он ответил. — Это радиотелефон на сто номеров, — сказал Владислав, почему-то не выпуская из руки предмет и постоянно следивший за тем, чтобы красная лампочка не потухла.

Как мы потом поняли, он держал телефон включенным. Мы же не запаслись никакой записывающей электроникой. Нам показалось, что вести встречу с коллегой под записывающее устройство, не совсем деликатно. Но Владиславу так не казалось, и я уверен, что весь наш разговор записан им на пленку. То ли та пленка вмонтирована в радиотелефон, то ли запись разговора шла на другом конце радиопровода — в его кабинете в «Останкине» или в машине у дверей редакции, но ничем другим включенный телефон объяснить нельзя. Однако весь наш разговор был таким простым, недолгим, что, ей-богу, не стоило ему с записью разговора так перенапрягаться.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

«Приз! Приз!», за умные вопросы? Владислав ответил, что эта работа не оплачивается. Больше нам его спрашивать было не о чем...

Беседа было окончилась, но Владислав приехал не только для того, чтобы рассказать о своей деятельности. Он приехал оскорблять. И его оскорбления сохранились на его пленке. Пусть он теперь слушает свои оскорбления — с нас было достаточно услышать их только однажды. Хорошо, что мы не захватили диктофона: эта западная техника обязала бы нас к ненужному разбирательству, может быть, даже в суде, что уж совсем скучно.

Неумение воспринимать критику не ограничилось включенным радиотелефоном на сто номеров. Поскольку билеты на «Тему» все-таки нигде не распространяются открыто, а распределяются закрытым способом директором программы, то вывод статьи «А вы знакомы с Листьевым?», что обладателями билетов становятся знакомые и знакомые знакомых, все-таки не опровергнут. Мы хотели сказать автору и ведущему программы, что это не демократично, что это публике обижает, но Владислав вдруг порывисто поднялся и произнес:

— Я не буду разговаривать в таком тоне.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

С этими словами он взял с пола портфель. Возможно, магнитофон, связанный с электризованным воздухом с включенным радиотелефоном, находился вовсе не в далеком «Останкине», не в близкой машине у дверей редакции, а прямо под столом, в портфеле.

— Мы вас чем-то обидели? — спросил я, когда Владислав был уже в коридоре.

Вместо ответа Владислав пожелал нам всего самого доброго и надменно вышел из кабинета.

Так мы познакомились с «живым Листьевым». А на другой вечер я увидел моего нового знакомого в телевизоре. Владислав в шикарном белом костюме, в белых же туфлях сидел в старинном кресле и рассказывал о том, как прекрасно путешествовать на суперлайнере «Федор Достоевский». Суперлайнер огибают Европу, проплывает много стран, однако на корабле удовольствий будет гораздо больше, чем в тех странах. Чудесно задуманную рекламу довершал попугай, который не-принужденно перебирал лапками у Владислава на плече. В конце монолога о предстоящем путешествии Владислав дружески обратился к попугаю и спросил его — правда ли, что плавание в открытом море обещает быть незабываемым? И попугай вопрос, представьте, понял и, долго не думая, ответил:

— Да!

Он так прямо и сказал: «Да!» Удивительно сообразительная птица. А какая покладистая! Птица сказала: «Да!» и даже не поинтересовалась, сколько же будет стоить билет на суперлайнер «Федор Достоевский». Владислав об этом не сказал ни слова. Мы в газете привыкли раскрывать перед читателем все тайны, даже секреты создания статьи, мы не держим читателей за ручных попугаев.

У кадровых работников Центрального телевидения нет привычки к разногласиям со зрителем. Но мы — не попугай, уже не попугай мы и, кроме слова «да», знаем много других слов.

Вячеслав БАСКОВ.